

В.Д.Стариченок (Минск)

КАТЕГОРИЯ ВТОРИЧНОСТИ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ СУППОЗИТИВНЫХ СТРУКТУР

Человек как ядро философских, эстетических, психологических, социальных, исторических, филологических исследований постоянно находится в центре внимания различных видов дискурса. Особенно полно и всесторонне человек представлен в художественных текстах, где его репрезентация осуществляется с помощью самых различных лексических и грамматических средств, среди которых не менее важное место занимают личные местоимения.

В современной лингвистической науке не ослабевает интерес к личным местоимениям, которые в системе любого языка характеризуются высокой степенью частотности, разнообразием функций и важной ролью в процессе коммуникации. Исследования в этой области (работы И.П.Лысакова, М.Ф.Федорова, Л.П.Якубинского, В.Б.Евтюхина, Ю.Б.Смирнова, М.И.Откупщиковой, А.В.Исаченко, Е.В.Падучевой, Е.Н.Сидоренко, О.Н.Селиверстовой, Н.Ю.Шведовой, И.И.Ревзина, М.А.Шелякина, Н.А.Петрова и др.) свидетельствуют о сложности и противоречивости решения проблем, связанных с частеречной принадлежностью местоимений, их номинативным статусом, местом в системе дейктических средств языка, а также семантикой.

Описание семантики местоимений вызывает наибольшее число разных (в ряде случаев противоречивых) мнений и суждений. Традиционно местоименные слова трактуются как особый лексико-семантический класс слов, который не имеет вещественного значения, т.е. не называет предметы, признаки и количества, а только указывает на них. Так, Р. О. Якобсон утверждал, что «местоимения явственно противопоставлены остальным изменяемым частям речи как насквозь грамматические, чисто реляционные слова, лишенные собственно лексического, материального значения» [3, с. 405].

В некоторых работах отмечается, что семантическая структура местоимений не ограничивается собственно дейктическим и заместительным компонентами, а включает ряд дополнительных смыслов, в числе которых – номинативность и абсолютная референтная самостоятельность. По мнению Н.Ю. Шведовой, в таких словах «сосредоточены и абстрагированы понятия (смыслы, «идеи») живого и неживого, личности и неличности, движения, его начала и завершения, предельности и неопредельности, частного и общего, количества, признака сущностного и приписываемого, собственности и несобственности, совокупности и отдельности, совместности и несовместности, элементарных и в то же время главных связей и зависимостей» [2, с. 7]. Значения местоимений, таким образом, можно считать вершиной смысловой иерархии, так как в них заключена

концентрация абстрактных языковых значений, восходящих к глобальным понятиям материального и духовного мира.

В силу специфики своей семантики личные местоимения стремятся к постоянному контекстно-семантическому эксплицированию. Именно контекст позволяет выяснить особенности реализации так называемой семантической опустошенности и характер заместительности местоимений. Замещение – это по существу предикат высказывания, раскрытие содержания местоимения, отождествление автора (лирического героя) с самыми различными явлениями объективной действительности.

Заместительное значение личных местоимений можно с уверенностью отнести к специфическому виду вторичной номинации, при которой первичный ЛСВ не трансформируется и не переосмысливается на основе каких-либо сходств и ассоциаций, вторичные ЛСВ не развиваются по определенным моделям и формулам, а происходит раскрытие содержания личных местоимений, воплощение авторского намерения. Такой тип вторичной номинации в лингвистической литературе получил название суппозитивного (лат. *suppositio* ‘подстановка, замещение, допущение’), а суппозитивные метафоры часто называют автометафорами [1, с. 131-133]. В них, безусловно, заложены практически неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений, взаимоперемещений и перевоплощений, характеризующиеся субъективным началом, неожиданностью, непредсказуемостью, а в ряде случаев – преувеличенностью, недостоверностью, своего рода фантастичностью.

В докладе с точки зрения антропоцентрической научной парадигмы предпринимается попытка исследования личного местоимения «я», выявления специфики его функционирования в различных текстовых фрагментах, позволяющих реализовать потенциальные семантические возможности и установить характер соотношения высказывания и его частей с действительностью. Исследование базируется на анализе свыше 3000 употреблений этого местоимения, включенного в необходимые для выявления его смыслового содержания контексты (от одного до нескольких предложений и связных текстов).

Семантическая и формальная организация различных текстовых фрагментов, в которые включается местоимение «я», традиционно укладывается в двухкомпонентные структуры. Первый компонент (левая часть) таких структур представлена личным местоимением (обычно это подлежащее, своеобразная тема высказывания). Второй компонент (правая часть) – это предикативный центр (рема высказывания, ядерный компонент смысловой структуры), носитель наиболее важной информации. В правой части выражается содержание личного местоимения, реализуется его семантический потенциал, неограниченные возможности заместительной функции. Левая и правая части находятся в отношениях референтной взаимозамены.

Метафорические толкования местоимения «я» носят довольно разнообразный и разнородный характер, отражают бесконечный мир

предметов и явлений. Они в определенных контекстных условиях могут выступать в виде различных сущностей человека (это так называемые персонифицированные и антропонимические метафоры), а также в виде конкретных или абстрактных манифестаций человека (это различные виды анимистической метафоры).

Семантический спектр персонифицированных метафор включает самые различные свойства и качества человека: род его занятий, сферу деятельности, профессию, специальность, занимаемую должность, социальную и национальную принадлежность, возраст, внутренние качества и черты характера, материальное состояние, умственные способности и др.

Чаще всего личные местоимения указывают на референт, соотносящийся с обобщенно-абстрактным значением человека вообще. В таких случаях личностное «я» употребляется в значении любой, всякий человек, личность, индивидуум. В качестве примера можно вспомнить известное выражение, приписываемое древнеримскому комедиографу Теренцию: *Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо*. В поэзии подобного рода отождествления встречаются довольно часто: *Я никогда повторять не устану Гордого имени: «Я человек!»*. (Вс.Рождественский); *Я за все в ответе. Я все-таки, как прежде, человек*. (В.Луговской); *Но преимущество мое В одном: я человек!* (И.Сельвинский).

Как маленькая частица бесконечной во времени и пространстве Вселенной, человек (и лирический герой) пытается ответить на самые главные вопросы бытия, определить свое человеческое предназначение: *С кручи отвесной Мне неизвестно, Кто я — среди людей*. (П.Антокольский); *Ты видишь правду тайных слов: Что я, кто я — никто не знает; Мой рок мрачнее страшных снов И многим горе предвещает*. (И. Козлов).

В персонифицированных структурах «я» может отождествляться с наименованиями лиц в их вторичных значениях по следующим признакам:

1. Род занятий, работа, служба, выполняемые обязательства: *Я гордый лоцман, готовясь к отплытию...* (Н. Заболоцкий); *И снова я — пастух мечтательный...* (Г.Иванов); *Я — танцовщица с древнего Нила*. (Н.Гумилев); *Я певец других времен*. (Я.Смеляков); *Я — гусар, с винтовкой за спиной, С шашкой на коне*. (Н.Тихонов); *Я — солдат. И куда я цел, Здравствуй, мой драгоценный прицел!* (М.Светлов); *Я — кондотьер, и свое ремесло Могу предложить по контракту на год*. (И. Сельвинский); *Я твой горнист. — Сигнал вечерний И зорю раннюю трублю*. (М. Цветаева); *Я поэт. Я верую в бессмертье*. (И.Сельвинский).

2. Внутренние качества, темперамент, черты характера: *Перчатка белая в руке; Я — меланхолик, я — в тоске, Но выгляжу немного франтом*. (А.Белый); *Я скандалист! Я не монах...* (В.Маяковский); *Я, безумец горделивый, Не поладивший с судьбой*. (Ф.Сологуб).

3. Умственные способности (как правило, пейоративного содержания): *А я, глупец, мечтал, что я один любил...* (С.Надсон); *Была я дура и есть дура*. (В.Гроссман); *Я ей не нравлюсь — я дурак*. (В.Филимонов).

4. Национальность: *Я — русский. Дышу и живу Широкой, свободною речью. (С.Марков); Я рыжий, я русый, я русский. (К.Бальмонт); Ведь я англичанин, мне льды по газетам знакомы. (Б.Поплавский).*

5. Возраст: *Отойди, брось меня, я старик... (П. Васильев); Я юноша в фуражке — Семнадцать только лет. (Е.Кропивницкий).*

6. Внешние черты: *Я молод, — тверди. — Я красавец. Я юн... и еще хоть куда! (И.Уткин); Не растут зимой цветы: Я красавица, а ты? (П.Ершов); Я урод! Но помню ясно, Как умел я встарь любить. (А.Тиняков); Должно быть, я калека, Наверно, я урод: Меня за человека Не признаёт народ! (С.Клычков).*

7. Материальное состояние: *У поэтов пышные облачения, А я не поэт — я нищий. (И.Эренбург); И верит мисс, от счастья дрожа, что я — долларовой воротила... (В.Маяковский).*

8. Другие ассоциации. Расшифровка авторского «я» и его семантизация может быть связана со сферой магических способностей, волшебством, предсказательством, с мастерством, умением, любовными отношениями, верностью, дружбой, героизмом, привязанностью к чему-либо и многими другими качествами и свойствами, отражающимися в различных ипостасях человека. С этой целью используются вторичные ЛСВ полисемантов *колдунья, привратница, пророк, виртуоз, любовник, ратник, друг, герой, пленник, раб, жертва, гость* и др.: *О, да, я колдунья влюбленная... (К.Бальмонт); Я, привратница, стояла И ключи в руках держала, — А любовь прошла тайком. (М.Кузмин); Я — ваш пророк, — Вам предвозвещен! (А.Белый); На рассвете, зарослью скрыт листвяной, Я, любовник, видел ее, счастливый. (С. Соловьев); Я ратник чести, и ничто иное сказать и невозможно обо мне. (Н. Ушаков); Я друг был всякой твари вольной И всякую любить желал. (А.Добролюбов); Я — раб — работать осужден Во мне жгущим гением-тираном. (Н.Минский); Я — лишь залетный гость: промчался и исчез. (А.Кондратьев).*

Антропонимические номинации, как известно, выступают в качестве своеобразно показателя познавательного опыта народа и его культурно-исторического развития. В поэтических дискурсах отождествление собственного «я» с антропонимами носит довольно сложный характер и зависит от объема и глубины имеющихся у авторов (и читателей) знаний об обозначаемом предмете и их значимости в данной речевой ситуации. Чаще всего используются известные имена, которые не нуждаются в каких-либо разъяснениях, ссылках или комментариях и выступают в качестве свернутых национально-культурных кодов. В правой части местоименной модели могут быть представлены литературные герои, мифологические образы, библейские имена, фамилии и имена выдающихся политических деятелей, полководцев, известных писателей, художников, скульпторов и др.: *Я — Гамлет. Холодеет кровь, Когда плетет коварство сети, И в сердце — первая любовь Жива — к единственной на свете. (А. Блок); Я — Фигаро, а вы... вы — донна Анна. (М.Кузмин); Я — Гойя! Глазницы воронок мне выклевал ворог. (А.Вознесенский); Для тебя я — бог Микеланджело, Но во*

мне сатаны стрела... (И.Сельвинский); Сегодня я — Наполеон! Я полководец и больше. (В. Маяковский).

В поэтических текстах может содержаться отрицание героя, его иная характеристика: *Нет, я не Байрон, я другой, Еще неведомый избранник... (М.Лермонтов); Теперь я зритель, только зритель, Не Дон Жуан и не поэт. (М. Кузмин).*

Анимистические номинации (с опредмеченным «я») – довольно распространенное явление в поэтических дискурсах. В этом случае животные, предметы, явления, действия, состояния, отвлеченные понятия перевоплощаются в человека и посредством этого выражают его реальные или нереальные свойства, действия, поступки, желания, мечты и мн. др. Наиболее типичными являются следующие структуры:

1. В структурах с опредмеченным «я» фиксируются наименования животных и птиц, что в целом является отражением активно действующей в языке метафорической модели зооморфического типа. В поэзии чаще всего авторское «я» ассоциируется с птицей, и в самом стихотворении утверждаются различные качества человека-птицы (вольность, свобода, робкость, слабость, печаль и др.): *Я птица вольная. Я два крыла раскрыв. (К.Бальмонт); Я — птица робкая; ты мне крылом будь смелым (М.Михайлов); Я — иволга, мой голос первый В лесу, после дождя. (М.Цветаева);*

Нередко встречаются ассоциации человека с животными, пресмыкающимися, качества которых в той или иной степени приписываются герою повествования: *Я — конь избитый, хоть ретивый! (А.Григорьев); А я — овца В печальном положении принца Без королевского дворца. (Г.Иванов); Я — змея, похитивший царевну, — Дракон! — Всем женихам — жених! (М.Цветаева).*

2. Традиционными являются ассоциации человека, основанные на первичных ЛСВ фитонимических номинаций (деревьев, растений, цветов, листьев и др.): *Я — приземистое дерево, Ветер ветви изувечил. (Н.Минский); Я — сосна в тесном бору. (Л.Татьяничева); Я — дикий виноград, мне явором ты будь. (М.Михайлов); Я, роза Киферона, Любовалась так же утренней зарею... (Н.Щербина); Я лист тугой березовый. Ладонь моя чиста. (Г.Серебряков); А я — осенняя трава, Летящие по ветру листья. (Г.Шпаликов).*

3. В сфере вторичных включаются олицетворения ветра, тумана, водных пространств, небесных светил: *Я — ветер встречный! Мы — в лунном круге! (А.Блок); Я состарился, но не заиндевел, Я — рассветный теплый туман. (М.Светлов); Я — океан, соленый и громадный. (В. Брюсов); Я — море, меня поднимает луна. (В. Шаламов); Без тебя, я — звезда без света... (В. Брюсов); Я — звезда мечтаний нежных. (А.Блок).*

4. Световые ассоциации и контрастные рисунки света (как проявления торжества) и тьмы (как проявления поражения) также широко представлены в поэтических текстах: *Я — свет. Я тем и знаменит. (Б. Пастернак); Я — сумрак улиц городских. (А.Блок); Я — только тень любви твоей былой. (А.Штейнберг); Я — тень песчинки пред твоей судьбою. (В.Луговской).*

5. Встречается немало примеров с актуализацией тех или иных аспектов широкой звуковой палитры. Так, слово *голос* в контекстах может представлять не только звучание, пение, мелодию, но и зов (веление) какого-либо внутреннего чувства, инстинкта, убеждения: *Я – голос ваш, жар вашего дыханья, Я – отраженье вашего лица* (Ахматова); *Я голос истины зовущей И неизведанного храм.* (Н.Тихонов); *Это я — голос ее тоски. Это мне — мешают петь и жить коренастые ее этажи.* (Н.Асеев).

6. Лейтмотив многих поэтических дискурсов – концепт «время», выявляющий различную причастность авторов и их лирических героев к этому вечному и независящему от человека факту бытия. Время выступает в роли активного субъекта движения, а лирический герой в этом случае органически включается во временное бытие, растворяется в нем и становится неотъемлемой его частью: *Вскипают сосны. Ты кто, родимый? — «Я — время...».* (А.Белый); *Я — только краткий миг Чужих существований.* (Н.Заболоцкий). Время в поэзии концептуализируется как быстро сменяющееся, бегущее, невозвратное. Оно носит не чисто абстрактный и не линейный, а событийный, исторический характер. Многообразие конкретных проявлений общего механизма темпоральности в ряде случаев связывается с жизнью человека и его различными временными срезами (чаще молодостью): *Взгляни в мои глаза: я — молодость твоя, Простись со мной навек — тебя я покидаю...* (Т.Щепкина-Куперник); *Я Вашей юностью была, Которая проходит мимо.* (М.Цветаева); Ассоциации жизненного пути с прошедшими днями, рассветом, восходом, закатом тонкой нитью проходят в творчестве многих поэтов: *Я закат непогасшего дня, Я потомок могучих царей.* (К.Бальмонт); *Я отошедший день, каких немного было.* (К. Бальмонт).

7. Лирический герой, рассуждая о вечных и непреходящих истинах, часто становится на место этих истин, пытается перевоплотиться в абстрактные и по-разному трактуемые понятия, отождествиться с ними. В сферу такого рода перевоплощений включаются такие понятия, как любовь, счастье, истина, которые наделяются человеческими чертами и как бы одушевляются. Личностное «я» в этом случае приобретает качественный оттенок и становится выразителем этих абстрактных понятий: *Я — страсть твоя, как в оны дни!* (М. Цветаева); *Оттого ль так сердце бьется, Грудь тревогою полна? Я — судьба! Так мне сдается...* (К.Случевский); *Пусть я — радость отраженья, Но не то ль и вы, поэты?* (И.Анненский); *Я — сказка, я — полночный бред, Созданье старины седой...* (С.Надсон).

Структурная организация метафорических контекстов довольно разнообразная и может включать от одного до практически бесконечного числа смысловых центров, в каждом из которых по-своему манифестируется личностное «я». В зависимости от количества таких центров выделяются 1-компонентные, 2-компонентные, 3-компонентные и многокомпонентные виды метафорических контекстов. В качестве метафорических контекстов могут выступать строфы поэтических текстов, а также целые произведения. Так, в стихотворении К.Бальмонта, «Возглас

боли», состоящем из четырех двустий, актуализируются различные смысловые центры и семантические приращения авторского «я», которые, несмотря на их вариативный и перечислительный характер, взаимодействуют друг с другом, пересекаются в нескольких плоскостях и создают семантическую связность текста. Само же стихотворение является разновидностью периода, состоящего из протазиса (в нем последовательно перечисляются автометафоры) и аподозиса со значением вывода.

Между отдельными компонентами смысловых центров могут наблюдаться синонимические, перечислительные, отрицательно-утвердительные, сравнительно-сопоставительные, градуальные и гипонимические отношения.

1. При синонимических отношениях метафоры выступают в отношении друг к другу как синонимы: *Я узник немощный, я раб земной тоски.* (А.Тиняков); *Я, изгнанник, без крова и сна, С милой матерью я разлучился, Бедный странник, лишился я сна.* (А. Блок); *Я — мерзавец, негодяй, Сцапал книжку невзначай. Ах, простите вы меня, Я ворюшка и свинья.* (Н.Олейников).

2. В структурах с перечислительными отношениями содержатся перечисления каких-либо лиц, в образе которых предстает лирический герой. В одном ряду может перечисляться большое число персонифицированных метафор, характеризующих человека с различных точек зрения. Наблюдается своеобразная динамика, смена точек зрения, когда авторское «я» соотносится с совершенно разными лицами: *Я странник и поэт, мечтатель и проложий.* (М.Волошин). В одном перечислительном ряду могут сочетаться наименования лица и абстрактные понятия, символизирующие какие-либо отличительные качества человека, а также только абстрактные или конкретные слова: *За твой стыд и позор Я — Возмездие, Мститель Незримый.* (Е.Полонская); *Я белая страница. Я — хранитель твоего добра.* (М.Цветаева); *Я — дерево в огне, я — камень, взобравшийся на небеса.* (К. Симонов); *Я — жажда Истины, я — Совесть мироздания.* (И.Минский); *Я надежда, я жизнь, я свобода. Но снегами меня замело.* (Г.Иванов).

Часто использование конкретных существительных служит средством создания комической ситуации, яркой образности: *Я — дверь направо. Я — комод налево. Ни шагу, я — картина на стене...* (С.Кирсанов); *В моем запустенье, в изгнание моем Мне кажется — я холостяцкая ветошь, Я полуголодный бензиновый светоч, Копилка небес и пустой водоем.* (А.Штейнберг).

3. Отрицательно-утвердительные отношения представлены структурами с частицей *не*, которая занимает препозицию к утвердительной части: *Я — не дитя воображенья, Я — ласковый и злой двойник.* (М.Кузмин). В ряде случаев отрицательная часть текста включает несколько смысловых центров, по которым идет противопоставление: *Я не мыслитель, не стратег, не чемпион арен и кортов — я с малой буквы человек, я из застенчивых, но гордых.* (Н.Ушаков). Для усиления отрицания иногда

используется частица *нет*: *Нет, я не поэт, я или пророк, Или только жалкий юродивый...* (И.Эренбург); *Нет, я не тот, о ком тебе мечталось В девическом тумане заревом.* (А.Штейнберг).

4. В сравнительно-сопоставительных отношениях решающую роль выполняет субъективная интенция автора, его намерение указать на признаки, на основе которых проводится сравнение, выделив при это состав компаратива и компарата. В поэтических текстах чаще всего подчеркивается неповторимость, индивидуальность избранника (избранницы), его противопоставленность другим лицам, сравнение с кем-то или чем-то. Как правило, сопоставление укладывается в традиционные схемы «я – ты» («ты – я»), «я – она». Заместителями «я» и «ты» могут быть люди с актуализацией их характерных черт: *Здесь — я гость, ты — хозяин...* (В.Луговской); *Я — зверь, она — к земле прильнувшая змея.* (Н.Минский); *Я — Счастье, а она — Упокоение...* (З.Гиппиус).

Типической чертой сопоставительных конструкций является асимметрия, когда противопоставляются вещи и предметы, не имеющие в языке противоположных признаков и оснований для сравнения. Так, могут противопоставляться водоем и призрак, туча и башня, сын земли и лучезарное виденье, деревня и луч и др.: *Оставь нас с музыкой вдвоем, Мы сговоримся скоро — Она бездонный водоем — Я призрак, тень, укора.* (А.Ахматова); *Так вот я туча — а вы соп башня и вся из камня* (С.Кирсанов); *Не призывай и не сули Душе былого вдохновенья. Я — одинокий сын земли, Ты — лучезарное виденье.* (А.Блок); *Я — деревня, черная земля. Ты мне — луч и дождевая влага.* (М.Цветаева); *Я — тайна духа. — Ты — мечта. Я — дрожь. — Ты только манишь дрожью.* (В.Брюсов).

5. В конструкциях с гипонимическими отношениями предполагается убывание или возрастание смысловой значимости предшествующего слова. При восходящей градации наблюдается повышение экспрессивности, усиление силы выразительности: *Но от огня не отрекусь! Я сам — огонь. Мятаж в моей родине.* (М. Волошин). Нисходящая градация считается более распространенной: *Я — жизнь земли, ее зенит, Ее начальный день.* (Б.Пастернак); *Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.* (М.Волошин).

6. Примеров гипонимических отношений, выстроенных на родовой соотнесенности, не так много. Как правило, видовые субстантивы выражают специализированные, более-менее конкретизированные значения: *Я — жизнь земли, ее зенит, Ее начальный день.* (Б.Пастернак); *Я гражданин Вселенной. Сократ Я везде чужестранец.* (В.Тепляков).

Таким образом, вторичные местоименные номинации как определенные статико-динамические структуры определяют специфику многих поэтических произведений. Они позволяют расширить смысловой объем высказывания, подчеркнуть и выделить наиболее важные элементы речевого континуума, акцентировать внимание как на постоянных, так и временных, эпизодических признаках. В них заложены практически

неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений и перевоплощений.

Личные местоимения включаются в метафорические контексты различных структурно-композиционных структур, создают многочисленные образно-смысловые фокусы (персонифицированные, антропонимические, анимистические) и наряду с другими языковыми средствами подчиняются коммуникативным и эстетическим намерениям автора, его замыслу и стратегии. Выделяются однокомпонентные, двухкомпонентные и многокомпонентные метафорические контексты. В качестве автометафоры может выступать и целое произведение. Реализация смыслового потенциала местоименных номинаций зависит от специфики мировосприятия автора, его личного жизненного опыта, индивидуальных систем ценностей, от богатства представлений и свежести ассоциаций, особенностей стиля и многих других причин.

Таким образом, вторичные местоименные номинации как определенные статико-динамические структуры определяют специфику многих поэтических произведений. Они позволяют расширить смысловой объем высказывания, подчеркнуть и выделить наиболее важные элементы речевого континуума, акцентировать внимание как на постоянных, так и временных, эпизодических признаках. В них заложены практически неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений и перевоплощений.

Личные местоимения включаются в метафорические контексты различных структурно-композиционных структур, создают многочисленные образно-смысловые фокусы (персонифицированные, антропонимические, анимистические) и наряду с другими языковыми средствами подчиняются коммуникативным и эстетическим намерениям автора, его замыслу и стратегии. Реализация смыслового потенциала местоименных номинаций зависит от специфики мировосприятия автора, его личного жизненного опыта, индивидуальных систем ценностей, от богатства представлений и свежести ассоциаций, особенностей стиля и многих других причин.

Литература

1. Кураш С.Б. Метафорика коммуникативной ситуации в русском поэтическом дискурсе: аспекты семантической интерпретации // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П.Шубы): материалы III Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч.1.– Минск: РИВШ, 2006. – С. 131- 134.
2. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
3. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии// Poetics. Poetyca. Поэтика. – Warszawa, 1961 – 426 с.

В.Д.Стариченок (Минск)

РЕЗЮМЕ
КАТЕГОРИЯ ВТОРИЧНОСТИ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В
ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ СУППОЗИТИВНЫХ
СТРУКТУР

SUMMARY

В статье на материале русских поэтических текстов рассматриваются личные местоимения, выполняющие функцию вторичных номинаций и реализующие свои потенциальные возможности в метафорических контекстах. Характеризуются персонифицированные, анимистические и антропонимические метафоры. В зависимости от характера соотносительности между смысловыми центрами сложных метафорических контекстов выделяются структуры с синонимическими, перечислительными, отрицательно-утвердительными, сравнительно-сопоставительными, градуальными и гипонимическими отношениями.

РЕЗЮМЕ
КАТЕГОРИЯ ВТОРИЧНОСТИ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В
ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ СУППОЗИТИВНЫХ
СТРУКТУР

SUMMARY

В статье на материале русских поэтических текстов рассматриваются личные местоимения, выполняющие функцию вторичных номинаций и реализующие свои потенциальные возможности в метафорических контекстах. Характеризуются персонифицированные, анимистические и антропонимические метафоры. В зависимости от характера соотносительности между смысловыми центрами сложных метафорических контекстов выделяются структуры с синонимическими, перечислительными, отрицательно-утвердительными, сравнительно-сопоставительными, градуальными и гипонимическими отношениями.

V.D.Starichenok (Minsk)

SUMMARY

CATEGORY OF SECONDARINESS AND ITS REPRESENTATION IN POETIC DISCOURSE: BASED ON THE SUPPOSITIVE STRUCTURES

The article deals with personal pronouns which function as secondary nominations and realize their full potential in metaphorical contexts on the material of Russian poetic texts. Personified, animist and anthroponomical metaphor are characterized. Depending on the nature of the correlations between the semantic centers of the complex metaphorical contexts, structures with the synonymic, enumerative, negative- assertive, comparative, gradual and hyponimic relations are singled out.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ